

Курт Эггерс

О РОДИНЕ И ЕЕ ЖЕНЩИНАХ

Об авторе:

Курт Эггерс (родился 10 ноября 1905 года в Берлине; погиб 12 августа 1943 года в деревне Кленовое под Белгородом) – немецкий писатель, поэт и национал-социалистический культурно-политический деятель.

Курт Эггерс родился в семье банковского служащего. В 1917 году отец отказал ему в поступлении в кадетский корпус и послал его вместо этого на учебный корабль военного флота. Командир корабля в январе 1919 года с несколькими кадетами, в том числе с Эггерсом, присоединился к кавалергардской стрелковой дивизии, участвовавшей в подавлении коммунистического восстания «Союза Спартака» и связанным с этим убийством Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Впоследствии вместе с командиром своего корабля Эггерс участвовал также в путче Каппа-Лютвица и воевал во Фрайкоре (добровольческом корпусе).

Из-за участия в восстаниях в Верхней Силезии Эггерса под предлогом прогулов исключили из школы, и он одно время работал батраком. В 1924 году он служил в 3-м артиллерийском полку Рейхсвера во Франкфурте-на-Одере, прежде чем получил аттестат зрелости в Берлине. Затем он изучал санскрит, археологию, философию и теологию в Ростоке, Берлине и Гёттингене. В 1927 году он стал членом студенческой корпорации Корпс Вандалия в Ростоке (Corps Vandalia Rostock).

После теологического экзамена он был викарием в Нойштрелице и помощником пастора в Берлине, однако в 1931 году покинул церковь и посвятил себя литературе.

Благодаря страстному национализму в его ранних произведениях он скоро сошелся с кругами национал-социалистов, которые сделали его членом «Геббельсовского кружка поэтов». В 1933 году Эггерс руководил «Имперской радиостанцией Лейпцига», а в 1936 возглавил отделение «Проведения праздников» в Управлении рас и поселений СС. В этом качестве Эггерс стал автором многочисленных драм, радиопьес и вокальных игр, рассказов в народническом духе, песен для путешественников и солдат, а также хоралов для культовых праздников. В особенности творчество Ульриха фон Гуттена вдохновило многие из его книг. Большое количество его произведений были опубликованы в принадлежавшем СС издательстве «Нордланд-Ферлаг».

После немецкого нападения на Польшу 1 сентября 1939 года Эггерс, следуя своему «воинственному идеалу», как офицер запаса отправился на фронт и служил в войсках СС. Как командир танковой роты он служил в 5-й танковой дивизии Ваффен-СС «Викинг», в рядах которой и погиб 12 августа 1943 года в бою под Белгородом в возрасте 37 лет. После этого подразделение (рота) пропаганды, в котором служили военные корреспонденты Ваффен СС, было переименовано в «СС-Штандарт Курт Эггерс». На его торжественных похоронах друг Эггерса известный немецкий актер Генрих Георге декламировал его произведения. Эггерс оставил после себя жену и трех сыновей. Внук Эггерса – ультраправый политик DVU (Немецкий народный союз), писатель и журналист Свен Эггерс.

После окончания Второй мировой войны многочисленные написанные и изданные произведения Эггерса в Советской оккупационной зоне и в Германской Демократической Республике были запрещены и подлежали конфискации.

О немце

Немец не рождается ни в прелести солнечного ландшафта, ни в беззаботности неистощимой плодородной земли. Ни земля, ни ландшафт не давали ему сытого спокойствия или мечтательного удовлетворения.

Такова судьба немца, что он никогда не сможет жить беспечно в благостной неге и роскоши, а обязан трудом добиваться для себя даже самых скромных радостей. Это обусловило и его лицо и его душу.

Тот, кто шагает по Германии в поиске, найдет больше изборожденных морщинами и разорванных черт чем гладких и сияющих самодовольством лиц. И в немецкой душе бушуют бури с той же самой силой, как они вздымают Северное море, по которому идут его корабли. Скупость и тоска сделали немца склонным к раздумьям, одиноким и воинственным. Поэтому тот, кто хочет завоевать для себя немца, должен пообещать ему землю и небо, полные борьбы.

Сытые народы, которые ничего не знают о тоске, никогда не поняли бы, почему немец размышляет и мечтает, почему он ставит мышление выше наслаждений.

Немецкое мышление получило свои особенные формы из немецкой крови. Если немец строил, то под его рукой возникали соборы и башни, которые в своих необычайно странных формах стремились к облакам, если он сочинял, то его баллады становились хрупко-чопорными и горькими, полными целомудренной, скрытой красоты, и они ранили бы слух тех, кто любит благозвучие южных стихов.

*

Немецкое мышление стремится к большому единству внутренней формы, воли к честности и истинного желания. Оно борется за правду, это значит – за распознавание и познание своей соответствующей сущности. Ради этой правды оно бросает проторенные дороги и традиционные формы и все понятия, как бы ни были они почтенны и освящены старостью.

При этом оно не нагромождает здания и не чеканит железные скрижали, зато обладает мужеством простоты и нового изменения.

*

Это значит: беспокойство ради правды и правдивости не могло и не может быть усмирено на длительный срок системами, которые приводили и приводят к миру или, все же, по крайней мере, к умиротворению. Против этого беспокойства все равно не существует никакого сладкого утешения как ответа всех ответов.

Во все времена немец знал или предвидел опасности застоя и тихого бытия, опасности зарождения гнили, которое скрывается в нем.

Во все времена немец охотнее посвящал свою жизнь «Бесу» беспокойства чем Богу мира. Другими словами: ему больше нравилось вдыхать пороховой дым, чем запах ладана.

В глазах примиренных (огороженных) «стадных людей» сознательные немцы обладают чем-то демоническим, чем-то одержимым. Они избегают их от страха за мир в собственной душе, уходят у них с дороги, так как боятся меча их духа.

*

Уже тысячу лет стадо мира набрасывалось на носителей немецкого беспокойства и убивало их, позорило, искореняло. И вопреки всему этому немецкое беспокойство посреди большой смерти народов породило опасно жизнеутверждающую немецкую нацию. Там, где немец просыпался к самому себе, он становился неразделяемым, беспристрастным, непримиримым.

Там, где он становился совсем отчетливым, многократные интриги, с помощью которых хотели отчуждать его от себя самому, не находили никакой бреши.

*

Тот, кто хочет позволить немцу окрепнуть, должен принуждать его к нужде и лишениям. Это тайна немецкого существа: немецкой душе никогда еще не вредила угроза войны, зато много и часто вредили ей трусливые мирные времена. В сытые времена немец простодушен и весел как ребенок. В такие времена его враги смогут с легкостью его усмирить, связав его теориями и странными учениями. Тогда они могут решиться использовать его и принудить к унижительной рабской работе. Немецкая доверчивость, доверчивость добродушного обывателя – это самые слабые места в крепости немецкого существа. Немцев научили, что ненависть предосудительна. И немец поверил в это учение! Только намного позже пришлось ему узнать, что настоящая ненависть так же благородна, как настоящая любовь.

*

С беззаботностью ребенка немец раздарил сокровища миру и разбрасывал ценности полными горстями. С шутливой радостью смотрел он на то, как другие собирали эти сокровища и ценности и основывали на них свою власть.

Он был слишком молод, чтобы знать об ответственности обязывающего наследства. Этой юношеской открытости обязан мир своим сегодняшним обликом.

*

Тысячу раз немец проходил мимо короны и довольствовался тем, что является слугой в доме своего отца.

Как мечтательный, погруженный в игру мальчик он построил из стран и миров игру в кубики, чтобы в конце игры снова разрушить это все одним движением руки.

*

Немецкая история – это учебник всемирной истории упущенных шансов.

Следовало бы каждый день зачитывать по одной главе из этого учебника молодым немцам. Вероятно, тогда они будут бдительны и невосприимчивы к всяческому нашептываниям. Вероятно, также краска стыда ударит им в щеки, и, вероятно, слезы гнева наполнят их глаза.

*

Сытые времена склоняют к необдуманному наслаждению. Но нужда принуждает к вопросам и размышлениям. Часто немецкая душа обращала свой вопрос «Почему» в судьбе и истории в облака. Часто немцы стояли растерянно перед обломками своей империи и своей идеи. Религия возникла из вопроса «Почему».

Однако, религия учила теории судьбы, и эти теории перебрасывали груз ответственности с вопрошающих душ на неизвестного Бога и давали утешение провидения. Грани между виной и судьбой размывались.

Так немец снова становился сонным. Он находил извинения для своей вины. Из облаков не поступало никаких ответов на его вопросы, и он мог успокоить и заглушить обвинения своего сердца извинениями богоданной судьбы.

Нужно было научить немца, что вся вина является последствием его равнодушия, что вся судьба – это наказание за его вину. Нужно было дать в руки ему для искупления не молитвенник, а меч! Над тем, кто спрашивает облака, смеются, как над шутком. Но тот, кто спрашивает свое сердце, получает ответ. И этот ответ – это не двусмысленное изречение оракула, а требование: будь немцем и поступай как немец, тогда ты будешь сильнее любой судьбы!

*

Немецкие вопросы ищут подтверждения. И это подтверждение гласит, что ничего не происходит просто так, случайно или чудом. То, что скорее причина любого греха коренится в половинчатости, робости и безразличии, и что каждое действие является производным от закономерности.

Немецкие вопросы хотят получить не утешение неизвестного Бога, а подтверждение закономерности. Вместо чудес им требуется исполнение.

*

Кто познает закономерность в себе и в своем действии, кто знает, что вся вера в чудеса берет начало в конечном счете от инстинкта поиска своего «я»; тот не ожидает, что ради его боязливого сердца остановится Солнце и двинутся горы, но он во время нападения атакует неприятности и превратности судьбы и превращает судьбу в историю.

Тот, кто верит в закономерность и настаивает на ее исполнении, тот более благоговейный, нежели тот, кто верит в чудеса, так как он не насилует большую жизнь, а подчиняет себя ей.

Тот, кто хочет чуда, хочет убежать. Только тот, который познает самого себя как часть закона, создает порядок и ценности, которые больше, жестче, честнее и более возвышены, чем даже самые набожные желания и молитвы.

Чудо и волшебство на одной стороне, закон и действие на другой стороне: вот перед каким решением стоит немец.

Тот, кто становится сторонником закона и действия, получает первую заповедь. Она звучит: Я знаю, что я есть!

Тот, кто осознанно говорит «да» жизни, своей жизни, хочет исполнения, а не освобождения. Его вопросы становятся проще, его поступки становятся решительнее. Чем слабее человек, тем обширнее, тем громче становятся его вопросы.

Можно жалостливо искать милостивого Бога тысячи и тысячи лет и, все же, потерпеть неудачу от жизни, от закона жизни. Но сильный своим мужественным действием преступает границы всех миров.

Здесь слабость и поэтому тоска освобождения, молитва, всемирное проклятие и удаление от мирской суеты, там готовность к действию и мужеству, готовность перепрыгнуть через последние пропасти и взобраться на самые высокие горы: вот это немецкое решение!

*

Тысячу лет и дольше разрывался немец между двумя мирами, миром «да» и миром «нет».

Стоило лишь ему почувствовать свою силу и сделать первые шаги к власти, как его тут же отталкивали от ворот, которые вели к его исполнению. Ему нашептывали, что его сила – это дьявольское искушение, его ликование –

радость сатаны. Ему советовали, чтобы он разбил собственную силу, чтобы он спустил боевую молодую кровь. Короче, от него требовали, чтобы он продал свое сердце и стал старым. Старым и – неопасным!

Многих удалось за долгое время соблазнить к отказу и уходу в мир «нет». Они умерли как предатели своего закона, как беглецы от жизни. Но те, сердце которых было закрыто для чуждого, которые всем угрозам назло встали на сторону мира «да», оставались одинокими в мире, одинокими в своем народе. Их жизнь стала протестом, их поступки – сопротивлением и мятежом. Они находили свою смерть в бою, на костре, в тюрьме или в ссылке.

Они избегали мира слабых, мира утешения и обладали мужеством даже хвалиться своей скорбной уединенностью.

Но все же у тех немногих была Германия, империя, была у них при жизни и почти даже еще больше при их смерти.

(Из: «О мужественной жизни и смелой смерти»)

Пробуждение воли к жизни

Воля к становлению покоится скрытой в человеке как зародыш, даже раньше, чем родится сам человек.

Физическое становление, рост, взросление находит свое определенное завершение во взрослости. Умственное становление, зрелость, заканчивается только смертью.

Взросление и зрелость только вместе составляют подлинное становление человека. Препятствовать зрелости точно так же неестественно и бессмысленно, как, например, произвольно останавливать рост.

Неизбежно тогда появляются признаки упадка и уродства. Однако есть люди, которым претит зрелость, наполненная беспокойством, нуждой и всякого рода неприятностями. Они видят желанное состояние только в детстве и горюют о нем, как о потерянном рае.

Они остаются на уровне возраста ребенка и не решаются войти в страну взрослого мужчины.

В своих религиях они восхваляют состояние детства как святое и представляют несущим благо требование быть подобным ребенку. «Будьте как дети» – таково их откровение. Из детской сказки они делают священные факты.

Их рай: сумеречное состояние, желание ничего не знать ради дорогого мира. Чтобы их кормили детской кашкой и водили на помочах. Мечтательные игры с символами змеи и черепа.

Их проклятие: жизнь с ее борьбой, ее долгом, ее трудом, ее бодрствующей трезвостью и ее твердостью.

Их страстное стремление: отделиться от этого тела, от этой жизни, вновь обрести потерянный рай, место сладкого и полного спокойствия блаженства.

Последствие: Естественное должно быть преодолено неестественным. Духовное рождение не должно произойти ради болей!

Детское бытие значит несамостоятельность, и она требует управления, призыва, постоянной защиты. Тот, кто является ребенком, тот предается трусости.

Кто иной, однако, может из трусости опереться на несвободу, если не тот, кто чувствует себя слишком слабым, когда жизнь предъявит ему свои требования?

*

«Грехопадение» вызвало конец райского состояния. Детские мечты отступили перед жестким долгом. На место мечты пришло действие.

Если бы рай возвратился сегодня, то через сто лет на этой земле не было бы больше ни одного человека. Воля к становлению преодолела рай; и пока она бодрствует, рай не вернется.

Действие нельзя превозмочь мечтой, как и сумерки не в состоянии одолеть свет.

Потому того, кто хочет оставаться ребенком, придется выполоть как сорняк, так как он непригоден к плодоношению.

И кто говорит там «Я боюсь стать мужчиной», того нужно извергнуть из общности.

*

Речь идет о том, чтобы воля к жизни стала священной. Тысячу лет совершалось продолжающееся прегрешение против духа жизни, тогда как воля к смерти – к умиранию в этом мире – освящалась. Кто видит жизнь только со стороны смерти, и кто рассматривает действие только с точки зрения греха, тот неизбежно должен вообще отрицать обязательность жизни. Он также не

может познать ни закона, ни порядка жизни не говоря уже о том признать их.

Мы должны начать освящать даже само зачатие. Тысячу лет в зачатии видели первородный грех, наследственную болезнь человечества. Ребенок в лоне матери уже был проклят. С раскаянием мужчина должен был оставлять женщину, со стыдом мать должна была рожать своего ребенка.

Нежная душа ребенка была окружена тьмой мрачных мыслей его родителей.

*

Потому: мужчина, который отправляется к своей жене, передает дальше само священное поручение жизни. Он выполняет закон жизни. Так как жизнь есть только там, где жизнью жертвуют. Поэтому жизнь сохраняется из себя самой.

Если кто-то теперь не передаст жизнь дальше, то он уже мертв, дышит ли он сам или нет. Он – нарушитель закона, и даже если бы его, жизни назло, восхваляла за это также и его религия!

Детский зародыш, созревающий к рождению в теле матери, – это исполнение закона, и потому священен. Тот, кто принимает его как плод греха, злословит закон и высмеивает порядок жизни.

Детский зародыш растет, что находится вне произвола. Мать несет зародыша и освящает его своей радостью. Однако радость обусловлена знанием матери, что она сама является сосудом священной жизни. В час рождения воля преодолевает первые преграды для бытия.

Разрез ножницами пуповины освобождает ребенка от физической зависимости. Первый крик – это первое признание собственной жизни.

*

Воспитание ребенка состоит главным образом в пробуждении воли к жизни.

Не нужно путать воспитание с дрессурой. Речь не о том, чтобы ребенок неизбежно принимал манеры, которые дороги его родителям, речь идет скорее о том, чтобы ребенок развивал скрытые в нем предпосылки, если они хороши.

Родителей самый аристократический долг это выпалывать наличествующий сорняк своевременно и заботиться о том, чтобы это потребляло вовсе важную питательность. Прежде всего, однако, должен заботиться о том, чтобы ребенок смог подрастать прямо и как раз.

Так как ребенок – это не частная собственность родителей, а член общности, родители отвечают за ребенка перед общностью.

Воспитание тогда доказало свой успех, когда покоящийся в ребенке закон приступил к своему развитию.

*

Часто порицаемое упрямство ребенка состоит как раз в настойчивости на том восприятии, которое свойственно ребенку. Нужно прививать ему не мнение родителей в качестве его собственного мнения, а давать молодому человеку возможность сформулировать свое собственное суждение. Часто так называемая незрелость молодого человека – это подлинное проявление не испорченного образованием чувства.

*

Снова и снова всплывает лозунг ненависти поколений.

Более старые упрекают молодых в завышенных претензиях, дерзости, самомнении и в отсутствии «всего святого». Молодые презирают стариков за их безразличие и склонность к компромиссам.

Но когда такая ненависть пробивается в сопротивлении?

Получается так, что старшие, которые вследствие их собственной нерешительности проиграли в борьбе за формирование своей жизни, часто с завистливым снисхождением похлопывают молодых по плечу и дают им совет сначала подрасти, чтобы они могли участвовать в разговоре. С дедовским превосходством они говорили о том, что они также когда-то были молоды и имели незрелые представления.

Речи такого рода не подходят для молодого человека. Он хочет подбадривания и подкрепления и выносит во всяком случае один товарищеский совет, но никогда не порожденные отказом и пессимизмом «познания».

Молодой человек с уверенностью очень быстро ощущает слабости. Тогда в нем пробивается чувство превосходства, которое происходит из знания о собственной силе и о молодом готовом к поступкам мужеству. Однако, тогда он может стать очень «самонадеянным» в своих словах и действиях. Да, его антипатия может возрасти до презрения.

Но зато там, где молодой человек ощущает в старшем честные намерения, правдивый образ мыслей и мужественную готовность защищать идею, там он с верой будет глядеть вверх на него и послушно последует за ним во всех сферах борьбы. Где старший является примером и вождем, то он определенно не будет сетовать на самомнение и дерзость младшего.

Ненависть поколений обусловлена преимущественно неудачей более старшего поколения. Молодежь хочет, чтобы ее «завоевали», но не даст себя уговорить.

Поэтому самое определяющее значение в том, кто учит и кто ведет молодежь. Только самых лучших, самых сильных и самых умных в нации следует призвать для этой деятельности. Частично от них зависит, удастся ли привести молодых людей через исполнение их закономерности к большому порядку, или же они, огорченные и разочарованные, погибнут как внутри, так и снаружи в лагере нигилизма.

Кто был рожден для большого порядка и был введен в него, тому не требуется возрождение, отрывающего его от естественной связи. Он скорее познает место своей деятельности и постарается выполнить свой закон как требует его долг. Только людям, которые разбились об их первоначальную жизнь, требуется это «освобождение». Поэтому случится так, что молодого человека нужно искать не в кругах нуждающихся в освобождении и вместо этого – в общности людей, сходных с ним своей силой и несгибаемостью.

*

Учреждение преподавателей и руководителей для молодежи является потому столь ответственным, что они уже должны провести первый отбор самых ценных в физическом, в духовном и душевном плане. Но как кто-то сможет судить о преимуществах других в том, в чем он сам слаб? Неполноценный лишь снова и снова будет узнавать неполноценного, и из определенной солидарности слабых и плохих полюбит его, и, с другой стороны, возненавидит и испугается сильного и хорошего, исходя из чувства своей неполноценности.

Молодому человеку как воздух необходимы учение и образец. Он требует, тянется к всему, что укрепляет его волю к жизни.

Это значит: ценны только те воспитательные моменты, которые могут продолжительное время оказывать влияние на мужество, характер, образ мыслей и твердость молодого человека. Знания, которые не содействуют этому, станут лишь балластом и могут способствовать тому, чтобы запутать его сердце и чувства.

(Из: «О мужественной жизни и смелой смерти»)

Материнские женщины

Когда одинокие и сильные погибли в упрямом ожесточении, пробил последний час также и для материнских женщин. Слабое тысячелетие, осуждавшее воинственных мужчин, должно было ненавидеть также и материнских жен-

щин, женщин, которые позволяли мужчине настолько надежно находить путь к героизму, как мужское состояние через облагораживание инстинктивности получало неслыханное возвышение к совершенному действию.

Это древняя, вечно возвращающаяся песня Севера, в которой герой отправляется на подвиг, чтобы после часа испытаний, после всех приключений и опасностей, найти свое последнее и самое большое переживание: женщину, за которую ему стоит бороться.

И горе мужчине, который не достаточно силен, чтобы добиться благородной женщины! Если он слабее женщины, ее убивает либо она либо ее близкие родственники в наказание за попытку унижить возвышенную даму.

Самому благородному мужчине – самую благородную женщину! Таково древнее нордическое требование, ради которого даже не боятся начать войну, чтобы лучшие потоки крови расы в объединении обоих самых благородных породили новое, более высокое, Третье.

Героические саги, которые рассказывают о невероятных приключениях, смелых поступках и твердых сердцах, восхваляют также ждущую и надеющуюся женщину, годами ждущую того единственного, кому голос ее крови хочет произнести «да».

И там, где женщина бывает опозорена изменой, похищением, обманом со стороны низкого, начинается первый акт мощной трагедии, которая может привести к гибели всех родов.

Не только в образе и мифе о Кримхильде показано как потрясающее почитание превосходящей женщины, с которой была совершена несправедливость, так как она была связана с низшим! Такая женщина может ненавидеть даже своих детей, если ей приходится признать неравноценность себе мужчины, от которого рождены эти дети. Медея, оваянная легендами женщина нордической крови, когда ее похититель Ясон нарушил верность и обнаружил свой негеройский характер, схватилась за страшное решение зарезать своих детей и подать их мясо Ясону, чтобы потом на колеснице, запряженной драконом, вернуться на свою старую родину.

Еврипид, великий языческий греческий трагик с нордической духовностью, воздвиг величественный памятник Медее в своей драме. Буржуазная или тем более христианская душа может только с отвращением говорить о таких выдающихся женщинах, честь которых настолько тесно связана с исполнением жизни со стороны превосходящего героя, что сама жизнь теряет смысл, если на месте исполняющего оказывается разочаровывающий.

С потерянной честью теряется также и сама жизнь. Пожалуй, опозоренная душа поднимается еще раз для страшного действия мести, гаснет, однако тогда в темноте, когда напиток удовлетворения испит.

Прошедшее время, видевшее в женщине только объект беспрепятственного вожделения и обозначавшее отвратительное, беспорядочное отбрасывание как «темперамент», несправедливо упрекало северных женщин в бесчувствии. Наоборот: северная женщина способна к наивысшим страстям любви и ненависти, но только ее страсти зафиксированы очень глубоко внутри нее, так что бури в ее душе редко проявляются в громких словах.

Никогда не следует забывать, что самая чистая и в то же время самая страстная песня любви, пение Гудрун, скандинавской Кримхильды, является беспримерной в мировой литературе – за исключением, пожалуй, «Одиссеи» Гомера.

Что такое против этой человечности Севера почитаемая евреями и христианами так называемая Высокая песня (Песнь песней) Соломона? Душная хвалебная речь физического обаяния самки, которую стареющий еврейский царь Соломон хочет затащить в свой очень обширный гарем. Тем во все времена отличилась немецкая поэзия от еврейской или подражающей еврейской, что в немецкой поэзии женщина никогда не унижалась до образа самки даже в самом воспламененном любовной страстью описании. Да, можно и нужно определять ценность немецких поэтов теми мерками, с которыми они обычно измеряют женщину.

Посреди преследований женщин церковью, которая в своем разрушающем жизнь учении, как известно, раз и навсегда прокляла Еву, самку, как сосуд первого и вместе с тем наследного греха, вместе со всем ее полом, и развенчала королевскую женщину как жизнерадостную мать, на защиту женственности поднялись миннезингеры. Вальтер фон дер Фогельвейде, величайший политический провозвестник того времени, стал также защитником чести германской женщины-матери. Не далеких от действительности «святых женщин» воспекает он, он хвалит немецкую женщину!

Высокие, достойные, верные только одному мужчине женщины достойны песен тех отправляющихся в походы и ищущих свободу мужчин. Это гордые женщины, на челе которых сияет блеск превосходящего материнства, женщины, которые уже управляли в высоких залах германских дворов, женщины, в присутствии которых умолкало каждое дерзкое слово. Такие женщины были провозвестницами верной вечности творящей жизни, злословить которую в материнской женщине, было достойным смерти преступлением.

Только с умилением можно читать также сегодня стихи «Одиссеи», в которых прославлены королевские женщины, которые были на стороне мужчины, равноценны и неприкосновенны, хранительницы права, дома и народа.

Всюду в мировой литературе, где мы встречаем восхваляющие описания высоких, материнских женщин, мы можем заметить влияние Севера, великой арийской расы. Для еврея было бы абсолютно невозможно почитать такую женщину! Даже культ девы Марии, которая сколь часто ни упоминается в «Новом завете», все же не имеет в себе совершенно ничего «святого», проникает только тогда в религиозные представления христианства, когда сливается с определенными арийскими мифами!

Женщины «Библии» – это практически всегда весьма сомнительные образы, нередко явные блудницы вроде Эсфири. Певец Севера никогда не злоупотребил бы своим гением, чтобы изображать судьбу проститутки. Это зависит также не в последнюю очередь от того, что провозглашаемая северными певцами этика служила исключительно более высокой цели народного воспитания.

На Синае проживал прибегающий к самым невозможным средствам пустынный Бог Иегова, и вокруг него не было ничего, кроме соблазняющей ко всяческому суеверию атмосферы ужаса. На Олимпе Греции напротив восседали Богини, которые иногда даже превосходили Богов. В стране полночи, однако, на высоком Севере, Богини были плотью и кровью!

И потому, где Боги Германии были никем другим, как «сверхлюдьми»; как превосходившими масштабы обычных людей героями, Богини Германии были по-королевски мыслящими и по-королевски действующими женщинами, пример которых был меркой для всех женщин Германии.

Два творческих полюса ведут к жизни и ее сохранению: зачатие и рождение. Пренебрегать одним из этих полюсов, повлекло бы за собой закат. Очень прочно укорененный в жизненной искренности человек Севера никогда не решился бы из своего познания закона и из своего знания о порядке на преступное осквернение одного из полюсов. Он не создал бы ни не имеющего инстинктивного чутья абсолютного господства мужчин, но и не терпел бы государства амазонок.

У греков и римлян Солнце было мужским понятием. Этот мужской полюс творения оплодотворяет женственный полюс творения, Землю. Из этого возникает святая жизнь природы. Земля – это праматерь, из ее лона исходит то, что необходимо для сохранения жизни. Поэтому праматерь Земля окружена идеально и и поэтически одинаково прекрасным ореолом мифов.

Еврейское мышление настолько, по меркам мощных идей Севера, уже в своих жалких мифах материалистично, что совсем не знает «Мать Землю». Земля для такого мышления – только материал, не больше. Поэтому Иегова может проклинать этот материал, так же как Иегова и Солнце, используя как материал, в какой-то мере как фонарь, может укрепить на небесной крыше!

Нужно понять, какое различие, какая никогда не преодолеваемая бездна разверзнута между Севером и Синаем: на Севере Солнце – это полюс творения, оплодотворения, а Синай видит в Солнце одну из электрических лампочек, которую Иегова прицепил туда ради своих евреев! Так же мужчина Синай не обладает собственной творческой волей, являясь лишь инструментом произвола Иеговы. У него нет ничего несущего свет, люциферианского, божественного! Божественный празакон рождения отсутствует у женщины Синай, поэтому она неизбежно должна стать сосудом вожделения.

Небожественные, материальные люди ползают по пыли Синай, урожденные материалисты! На Севере напротив шагают высокие, божественные, знающие люди, которые сами являются частью вечного закона.

Здесь содержится также глубокое знание о непосредственной, закономерной тесной связи северного человека со Вселенной, наличия в нем части Божественного, которое обосновывает братство с Богом. Это само пробивалось в так часто необъяснимом начале мистики, пантеизма, энтузиазма в поверхность мысли и действия. Бог для человека Севера это коронация закона: бескрайняя воля к вечной жизни.

Его вполне можно почитать с языком души, однако никогда не следует просить у него какого-либо «чуда». Мысль об одном, который мог бы стоять вне неистошимого творческого ритма закона, невозможна для человека Севера.

*

Следовательно, боевой лозунг Севера звучит не как мужчина или женщина, а мужчина и женщина как творческое единство – такова заповедь вечной жизни этого мира.

До тех пор пока Север был верен закону и знал его, там не могли появиться никакие течения, которые требовали или допускали, что одному из полюсов этой единицы творения уделяли бы меньшее внимание. Слишком естественными и данными уже одним инстинктом были эти познания. То, что вообще могли появиться расхождения во мнениях об этих основных предпосылках жизни, уже было признаком упадка. Можно сделать вывод, насколько опасны, вредны и убийственны все религии, не основанные на знании о законе и его сохраняющих жизнь требованиях. Но, как известно, догматическая религия всегда возникает только тогда, когда гармоничность познания, знания, души и крови, короче, когда наследие сильной расы разрушено!

Прежде всего, однако, следовало бы здесь сказать, что нет и не может быть никакой «мировой религии», так же, как нет и «всемирной культуры». У любой мировой религии предпосылкой ее господства должно было стать уничтожение рас и настоящая каша из народов. Не случайно, что самые фанатичные приверженцы мировых религий – это, как правило, одновременно

столь же большие фанатики вражды рас. Не является случайностью и то, что, к примеру, приверженцы царства Иеговы, будь они жадными до власти евреями или восторженными христианами, испытывают смертельную вражду к сильным и мудрым во всех народах. Так как эти сильные – это сознательные носители наследия, которое сопротивляется уравниловке и как магнит притягивает к себе все аналогичные силы.

*

Именно воинственный Север, страна долга, родина сильных, которые в своем порядке воплощают закон, возвратит материнских женщин, развенчанных королей жизни, назад в их царство. Сильный, знающий закон мужчина-воин стремится ради завершению единства творения к материнской женщине, которая должна быть не игрушкой, а его спутницей, его сосоздательницей.

Родина сильных станет для рожденных и выросших из этого совершенного союза обоих объединенных божественных полюсов молодых людей страной свободы и великолепия и вместе с тем подлинного счастья.

Сильные мира сего тоскуют по материнским женщинам. Это тоска по завершению, у которого нет ничего общего с жадностью.

Это конец «самки», которую извергнут из родины сильных, чтобы ее оскорбительное присутствие больше не позорило святыню материнской женщины, являющейся провозвестницей всепобеждающего обращения закона, носительницей самого прекрасного доказательства верующей жизненной глубины. На родине сильных нет места для блудниц.

*

Действительно случайность ли это, что одни и те же жалкие и глядящие из перспективы канализационного коллектора бездарные «юмористические журналы» одновременно высмеивают и воинов и женщин? Пацифизм унижает не только героев, опуская их до уровня презренных наемников, он оскверняет также и материнских женщин, изображая их проститутками. Это тот же самый дух неполноценных, которые борются за свое царство и свое господство, которое стремится также человечество, честь, гордость затянуть в грязь, до тех пор пока не сравняет с землей всю стремящуюся ввысь жизнь.

*

Не далек тот день, когда материнские женщины снова получат почетное место в зале.

Благосклонными руками сотрут они со лба мужчины, товарища, заботу о несовершенных буднях, и снова вернут в сердце мужчины светлый, радост-

ный смех их детей и веру в вечность его долга. Человечество, которое возникнет из этого знающего и гордого двуединства, будет, как в старые времена, когда мифы были действительностью, снова как Бог!

Из слияния обоих полюсов творения возникнет самая живая из всех ячеек общности: семья, жизнь которой нигде в мире не была такой сильной и порождающей силу как в германских просторах. Где еще в мире ребенок вплоть до зрелого возраста мог так верить в чистоту своей матери как не в северных землях?

*

На родине сильных не существует «проблем брака». Еще меньше там брачных экспериментов, каких так много было в эпоху буржуазного упадка. Женщина должна быть в столь же малой степени объектом для опытов, как мужчина – экспериментатором!

Единственный вопрос бракосочетания является вопросом, определены ли оба полюса творения, которые теперь соединяются, в самом подлинном смысле слова друг для друга. Это очень часто потребует самой точной проверки всех имеющихся ценностей и оценки тех недостатков, которые, если на них обратят слишком мало внимания, в ходе совместной жизни могут оказаться теми скалами, о которые разобьется корабль брака. Все счастье брака зависит от того, даст ли звон обеих душ, которые сочетаются браком к единству творения, в итоге правильный аккорд. Тонкие колебания души нельзя заглушать громким и ярким криком инстинктивной страсти!

Воспитание брака начинается уже у ребенка, который сначала воспитывается к самому себе, то есть учится находить путь к собственному сердцу. Человек, который знает звук своей души и язык своего сердца, в состоянии слышать также голос существа своего партнера. Но как сможет человек найти гармонию в двуединстве его совместной жизни, если он сам не знает своего сердца, свою кровь, свою душу?

Наверняка и в жизни сильных нельзя избежать ошибок при выборе партнера по жизни. Такие ошибки исправляются, когда оба человека расстаются, чтобы найти исполнение к общности во втором браке. Однако такое разделение происходит без ненависти, но люди, которые слились к гармонии, ведут в этом единстве нерасторгаемый брак. Найти это единство – вот в чем наивысший здравый смысл брака.

*

Как давно уже, кажется, прошли годы, когда «брак по расчету» был противоположностью «браку по любви»! В принципе оба эти вида брака вели к упадку. «Расчет» рассматривался как равнозначный деньгам, однако, «любовь» хотела свидетельствовать, что долг и ответственность исключались, когда инстинкт страсти стремился к удовлетворению.

Так же далеко также, по-видимому, ушли в прошлое времена, когда спорили о «системе» количества детей. Ребенок как неизбежное зло, которое только не должно было приносить слишком много забот!

Страшный знак разложения национальной нравственности! Материнский отпрыск, наисвятейший сосуд вечной жизни, осквернялся самым низким образом. Внезапно дети больше не были великим Третьим, новым, лучшим порождением двуединства, а роскошью, которая, в сравнении с удобствами буржуазной жизни, казалась стоящей слишком много.

Никогда не стоит забывать, что эти времена упадка всегда латентны, пока вообще слабые люди могут декларировать жалкие «идеи» их слабости. Если бы когда-нибудь снова сильные стали беззаботными и безразличными по отношению к убитым на первый взгляд, но в действительности только дремлющим опасностям, чтобы слабые одним движением руки попали к власти, в то же самое мгновение это низкое учение снова подняло бы свою голову Медузы-Горгоны.

Родина сильных должна быть также родиной бдительных, и это значит, однако: меч никогда не должен заржаветь!

До тех пор пока земля будет стоять и до тех пор пока люди будут рождаться в этот мир, до тех пор пока будут существовать также день и ночь, сильные и слабые. Только то, что сильный остается живым и господствующим, вот что составляет смысл укорененной в законе воли творения.

Но чтобы у сильного была радость в долге, который означает для него – сохранять, творить и заботиться о жизни ради вечной жизни, в этом пусть поможет ему любящая сущность материнских женщин.

*

Женщина, которая достигла исполнения своего долга творчества в материнстве, превосходит бездетных женщин как герой свиту. Никакое презрение женщин, лоно которых осталось запертым для жизни, не может уменьшить их гордость.

Что уже значат эти «невесты Христа» даже все вместе взятые в сравнении с единственной женщиной-матерью, которая протягивает своему мужу найденного, смеющегося ребенка, из глаз которого светится вера в мир?

Что такое все предсказанные наслаждения полных «аллилуйи» небес против счастья материнства, которое вспыхивает при первом крике ребенка?

Матери – это истинные провозвестницы великолепия вечной жизни этой земли.

Кто видит сияние материнских глаз, сияющих огромным внутренним блаженством при взгляде на новорожденное дитя, тот видит блеск сотни солнц и тысячи небес.

И никакое приветствие от «жениха душ» не может заглушить радость сердца матери, когда ребенок в первый раз ласкательно тянет к ней свои ручонки.

Поэтому матери в самой глубокой верности преданы их большой сестре, Земле. Как эти материнские женщины должны всем сердцем презирать, в лучшем случае, жалеть всех этих достойных сожаления самок, которые хотят быть рождены, чтобы пользоваться счастьем «свободной» любви!

То же презрение знает только воинственный сильный человек, когда он, на коне и в доспехах, двигаясь навстречу решающему часу, встречает машущего дрожащими ладошками слабого человека.

На вершинах человечества рука об руку путешествуют сильные этого мира с их женщинами-матерями. Они – первые на родине сильных.

Сияние их взгляда – это искра того огня вечности, который сжигает слабых и очищает сильных до последней чистоты.

Мир становится прекрасным там, где начинается родина сильных.

Радующий, светлый детский смех звучит над новой родиной, полной доброты, так как она умеет убивать недостойное.

Но женщины-матери охраняют колыбели вечности!

(Из: «Родины сильных»)

Перевод с немецкого: декабрь 2011 г.

Некоторые произведения Курта Эггерса

Hutten, Roman eines Deutschen

Annaberg

Job der Deutsche

Herz im Osten, der Roman Litaipes des Dichters

Vom mutigen Leben und tapferen Sterben

Die Geburt des Jahrtausends

Von der Freiheit des Krieges

1000 Jahre Kakeldütt

Der Tanz aus der Reihe

Vater aller Dinge

Der Scheiterhaufen

Die Feindschaft

Der deutsche Dämon

Von der Heimat und ihren Frauen

Rom gegen Reich

Der Berg der Rebellen

**Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»**

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).